

Монадология и океанография в поэме Вяч. Иванова «Сон Мелампа»

Доклад 21 марта 2017 г., 16:00

План доклада:

Принципы адаптации и трансформации античного мифа у Вяч. Иванова.

Мифотворчество, как конструирование автобиографии.

Герменевтический анализ «Сна Мелампа»: дионисийско / аполлонический миф; орфическая эсхатология и платоновский «анамнезис»; авторская поэтико-философская теогония; хтоническая образность.

Образ «разнотекущих потоков»: интертекстуальный анализ.

Влияние мифопоэтики Шиллера, Гете, Ницше. Ткань мира и покровы богов: Гете и Прокл.

Монадология Лейбница и ее влияние.

Метафизическое зеркаление: эоны, трансмиграция душ; принцип «что вверху, то и внизу» и неоплатоническая теургия.

Обратная причинность: будущее, отбрасывающее тени в прошлое; метафизика «причин» и «целей».

Текст поэмы Вяч. Иванова «Сон Мелампа»

- 1 Спал черноногий Меламп, возлелеянный в черной дубраве
Милою матерью, нимфой, – где Гелиос, влажные дебри
Жгучей стрелой пронизав, осмуглил ему легкие ноги:
Слыл с той поры Черноногим излюбленный Гелием отрок.
- 5 В заросли спал чернолистной Меламп; а подхолмные змеи
Зоркой семьей собирались, клубясь по траве, к изголовью,
В кудри, вивясь, заплетали чешуйчато-скользкие кольца,
Смуглым металлом венчали чело и, подвижные жала
Зыбля и плоские главы к вискам пригибая сонливца,
- 10 Уши Мелампу лизали. А он на пригорке тенистом
Спал и не грезил... И слышит в дреме улегченной внезапно
С присвистом тонкие эоны, и шип тайнозвучный, и шопот:
- «Чуткое Ухо, почий! Спи, вещун, – и проснись боговещим!
Мы – твои стражи, Меламп, мы тебя возлюбили, дубравный,
15 Змеи лесные, подруги твои, со дня, как могилу
Старице ты, медянице, изрыл и родимой земною
Перстью покрыл благочестно закостеневшие кольца.
Мертвую так схоронил ты, а юную дочь – медяницу
Сам воскормил и на персях своих, согревая, взлелеял.
- 20 Вечность ты схоронил, о Меламп, и вечность взлелеял.
- Дремный, дивился Меламп таинственной речи и слово
Странное томным устам поверял, как тот, кто развязан

- Сонным покоем, заслыша сквозь грезы дивное слово,
Памятью тщится пленить окрыленное, но ускользает
25 Поступью призраков легких посул несказанных гармоний,
Дух разуметь неподвижен, уста воскресить его немы.
Темным усилием смутный потусклые мысли собирает,
Лепетом вторит неверным неизреченному слову:
- «Змеи-подруги! как вечность я мог схоронить и взлелеять?
30 Может ли вечность родиться? И сгинуть вечность не может».
- «Вещий!» он слышит, он чувствует: «внекли: не едина вся вечность,
Двигаются в море глубоком моря, те – к зарям, те – к закатам;
Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь:
35 Разно-текущих потоков немало в темной пучине,
И в океане пурпурном подводные катятся реки.
Тайно из вечности в вечность душа воскресает живая:
Вынырнет вольным дельфином в моря верховные, – глухо
Влажной могилой за ней замыкается нижняя бездна.
40 В духе вечность жива, и покинута духом – мертвец.
Так ты вечность одну схоронил, и другую взлелеял.
Новым движеньем отныне ты движим, новым законам
Вольно повинен. Слепые толкали тыл твой причины;
Ныне же цели святые влекут предводимые руки».
- «Змеи!» воскликнул Меламп, «коль не мороком я обморочен,
45 Вещим меня вы наставьте воистину веденьем вашим,
Солнца таинницы, Ночи наперсницы, Мудрые Очи!»
- «Сестры», змеи запели: «возьмем на Змеиную Ниву
Вещую душу Мелампа, что в людях прослыл Черноногим».
- Так пропели, и в бездны бездонные взяли Мелампа.
50 Годы ль, мгновенья ль он падал стремглав в черноустый колодезь, –
Персти коснулись незримой внезапно стойкие ноги
И на разрыхленную землю уверенной пядью ступили.
- Холодом быстрым скользнуло в тот миг под стопой его тело
Гибко-тягучее; ноги обвилились, стройные, тесно
55 Сетью прохладных лиан: и до плеч, и до выи живые
Стебли ползучие грудь и хребет полоснули Мелампу
Дрожью извилисто-зыбкой. И как наливные колосья
Девушке, в поле вошедшей, окрест шепотливой дубравой
В уши, колышась, поют, задевая колко ланиты
60 Усиков жалающей лаской: – под веяньем тонким, густая,
Шелестом звонким дыша, шевелилася зоркая Нива.
- «Где я?» воскликнул Меламп. И запела Нива: – «Мы – пажить
Вечных Причин. Нас, пришелец, познай, – если ты посвященья
Просишь от Змей боговещих, чье имя – Змеи-Причины».
- 65 «Змием», – в ответ им Меламп, – «о священные Змеи, примите
Тайны родимой питомца, коль право меня черноногим
Гелиос знаменовал, изыскав в чернолистной дубраве».
- «Знай же: мы сестры твои, земнородный!» – Нива запела:
«Женский удел нам назначен, и брак со змиями Неба.
70 Имя нам – Змеи-Причины: со Змиями Целей отвлека
Нас обручила судьба; и каждая ждет Гименея.
Все, что в мире родится, и все, что является зримым,
Змеи Земли – мы родим от мужей текучего Неба.
Ибо ничто без отца из ложесн не исходит зачавшей,
75 Оку же видимы всходы полей, невидимо семя;
Но не возникло ничто, о Меламп, безмужними нами.

- Воткан в основу уток, и ткань двулична явлений.
Двигутся в море глубоком моря, те к зарям, те - к закатам;
Поверху волны стремятся на полдень, ниже - на полночь;
80 Разно-текущих потоков немало к темной пучине;
И в океане пурпурном подводные катятся реки.
Так из грядущего Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антиройя Ройю встречает.
В молнийном сил сочетанье взгорается новое чадо
85 Соприкоснувшихся змей; и в тот миг умираем мы оба Змий
и змея, – раждая на свет роковое мгновенье».
- «Мудрые!» – молит Меламп: «о себе тайноведенье ваше
Полным вложите в мой слух, и Причин совершенное знанье
В сердце посеите, старейшей из вас научая – Главизне».
- 90 Стихла Змеинная Нива, и вновь всполохнулась полохом
Шорохов смутных, и темными вся зашептала речами:
- «Многого, алчный, ты просишь; но знай, чтобы свято в молитве
вышних тебе призывать: заблуждаются смертные, мужем
Чтя Безначального в небе, и мнят неправо, что в Вечном
95 Женского нет естества. Ты же, Зевс, – мужеженский и змийный!
В вечности змием себя ты сомкнул, – и кольцом змеевидным
Вкруг твоей вечности, Вечность-змея, обвилась Персефона.
Двум сопряженным змеям уподобился Зевс-Персефона
В оную ночь, когда зародил Диониса-Загрея.
100 В лике сыновнем открылось Отца сокровенное солнце:
Лик чешуей отсветила глубокая Персефонэя.
К зеркальной бездне приник, на себя заглядевшись, Младенец:
Буйные встали Титаны глубин, – растерзали Младенца».
- Словно под бурей налетной, склоняясь, в шелестных пенях
105 Нива смятенно шумела; а юноша таинство бездны
Вещих поведать молил, и поведали темные тайну:
- «Отрок, гляделся ли ты в прозрачную влагу, любуясь
Образом зыбким, который тебя повторяет, как эхо
Звук отзвучавший из чутких пещер воскрешает? Так нимфа
110 Струйная – меди ль блистательной власть, что пленяет дыханье
Близко дышащих уст на легко-затуманенной глади, –
Тень выпивает твою и к тебе, превратив, высылает
Дивно подобную светлым чертам – и превратную» ...
- «Змеи», –
- 115 Отрок в ответ: «я в деснице держал над ручьем медяницу,
Жаждой томимую: в левой она отразилась висящей.
С часа того не глядел я в прозрачные очи Наядам».
- Нива же пела: «Отвека обман – отраженное влагой,
Чары – металлом, и смертный полон – Персефой ночью.
120 Ибо мятежным себя каждый луч отражает, и каждый
Атом раздельной души от послушного зеркала просит,
Ближней тропой своевольно сходя в ответные грани,
И – самовластный – не мнит о согласи частей и о строе
Целого облика, – только б, в себе утверждаясь, усилить
125 Себялюбивую душу. Так лик Диониса превратно
В вечности был отражен, и разорван внутренней распрей
Многих солнечных сил и лучей единого лика.
Дочери Древней Вины – зародились мы Змеи-Причины.
Имя ж Главизне старейшей – ночная Персефонэя».
- 130 Так воздыхала из недр и смеялася шаткая Нива.
Дрогнуло в юноше скорбью глухой помраченное сердце.

Гелия, темный, он вспомнил, и мужеский пламень, пробившись
В облаке зыблемых чар, пронизал несказанную смуту.
«Ночи сыны», – вопрошает: «В веках растерзали ль Титаны
135 Полый божественный зрак и личину Младенца пустую,
Или же с тенью святой самого поглотили Загрея?»

«Жрец!» – зазвенела вся Нива: «прозри глубочайшую тайну,
Ежели память родимых святынь, Мнемосина, вручила
140 Смертному в темном преддверье столь крепкую нить, чтоб исканьем
Правым угадывать путь в тайниках лабиринта земного!
Ведай, что душу живую до дна выпивает зеркало,
Если в борьбе Ты Другой не падешь от Себя же Другого –
Жертвою Правды, Себя Самому возвращающей вечно.
145 Так и младенец страдальный воистину жертвой отдался
На растерзанье Титанам, и выпила жизнь Персефона
Бога прекрасного, в дробном его извратив отраженье.
Сердце ж твое огневое, Загрей, нераздельное сердце Змий,
твой отец, поглотил и лицом человекоподобным
150 В недрах ночных воссиял, и нарек себя Зевс Дионисом,
Сам уподобясь во всем изначальному образу Сына.
И не младенец с години той Зевс, и не змий, но змеями
Многими бог увенчался, и змеи те – звезды над Геей,
Нам – женихи глубоких небес, обрученные змии
155 Целей святых. Ибо каждой из нас уготован на ниве
Пламенной той, что кудрями главу облегает Кронида,
Ярый супруг. Совершатся судьбы, приведут гименеи:
Все мы, утробы земли, сочетаемся с жалами Неба.
Будет: на матернем лоне прославится лик Диониса
Правым обличем – в тот день, как родителя лик изнеможет.
160 Браков святыня спаяет разрыв, и вину отраженья
Смоет, и отчее сердце вопьет Дионис обновленный.
Ибо сыновнее сердце в Отце: и свершится слиянье
В Третьем вас разлученных, о Зевс-Персефона и Жертва! ...
Ныне же, Змий – посвященный, возри на вечное Небо,
165 Смертным обличем твоим утони в двойнике несказанном!»

В небо глубокое очи вперил бестрепетно вещей:
Лик несказанный увидел, наполнивший темное небо.
Мирообъятною тучей клубились пламени-змии
170 Окрест святого чела и в бесчисленных звездах горели,
И содрогалась вся Нива горящих мужей лицезреньем.
Очи же вечного лика, сомкнутые как бы дремою,
Сумрака не отымали у Геи; мощно над ними –
Дуги вселенского свода – безгневные сдвинулись брови.
Кроткие рдели без жизни уста меж брады змеекудрой.
175 Ужасом сладким дышал, созерцаньем горел ненасытным
Зрящий Меламп, и безмолвной к отцу воскрылялся молитвой.
Два внезапных луча из-под век сомкнутых пронзили
юноше болью блаженной замершую грудь ... и, воспрянув,
Он, пробужденный, озрелся в смарагдовом сумраке леса.

* * *

180 Но не узнал черноногий Меламп родимой дубравы.
Ухо к земле преклонил и к корням чернолистной дубравы:
В жилах чащобных расслышал глубинного сердца биенье.
В лимбах незримых земля содрогалась трепетом тайным,
Смутным призывом, желаньем слепым – и ждала гименея.
185 Он не узнал ни стволы, ни листья, ни ключей, ни лазури
Прежних, ясно явленных и замкнутых, тесных и внешних:
Мир – не журчанье ль струящихся душ, не теней ли шептанье,
Томный мятеж, переклики в лесу заблудившихся воинств?
Мир – не смятенье ли струн на колеблемой ветром кифаре?

- 190 Все – только звук, только зов, мощь без выхода, воля в неволе.
Ах, и в камне немело издревле пленное слово!
- Сердцем смутился Меламп о неволе земной, но утешный
Вспомнил завет: совершатся судьбы, приведут гименеи.
Тихий, нагнулся к земле, стал срывать шепотливые травы,
195 Внемля живым голосам, сочетать гименеем промыслив
Силы, что ищут друг друга, и яды, что скрытую доблесть
В правом союзе волят явить – и не знают супруга.
Душ разрешителем стал и смесителем Чуткое-Ухо,
Тенью грядущего, оком в ночи, незаблудным вожатым.
200 Сонного так боговещим соделали змеи Мелампа.

Примечание Вяч. Иванова к поэме «Сон Мелампа»

Ройя (ροία – собственно: «поток») и Антирройя (ἀντίρροια – «противотечение») суть *termini technici*, вводимые мною в изложение моей метафизической концепции для означения: первый – «потока» причинности, воспринимаемого нами во временной последовательности движения из прошлого в будущее; второй – «встречного потока» причинности, нами непосредственно не сознаваемого, но постулируемого, как движение из будущего в прошедшее. Каждое явление столь же обусловлено связью следующих за ним во времени явлений, сколь преемственностью явлений, ему предшествующих. Закон достаточного основания имеет лишь формальное значение для нашего познания; если бы мы могли проникнуть в сущность являющегося, формула достаточности оказалась бы иною. Каждый миг явленного бытия, будучи результатом взаимодействия двух выше различных причинностей, есть как бы чадо брака между причинами женского порядка (Ройя) и порядка мужского (Антирройя), или же подобие электрической искры, возникающей из соединения противоположных электричеств. Вопреки тексту поэмы, я отождествляю понятие Антирройи с понятием целесообразности лишь условно и предпочитаю определять первое просто, как встречную причинность.